

МОСКВА — ГОРОД ОБРАЗЦОВОЙ КУЛЬТУРЫ И НОВОГО БЫТА

Я рос в Люберцах, которые жили полугородской-полудеревенской жизнью и ощущались как большая деревня, как продолжение той деревни, которой они когда-то были. Это был бедный район, Рязанка всегда была бедной. В комнате 7,5 метров жили всемером. Спать ложились, вытягивая ноги под родительскую кровать.

У меня есть рассказ "В гостях у дяди Коли и тети Дуси", о поездке в Москву к отцовскому другу, ударнику, которого наградили орденом. Это было событие в нашей жизни — мы поехали в Москву, в новый дом, где дяде Коле дали

Моя Москва

Анатолий ПРИСТАВКИН

Родился в 1931 году в Люберцах

Писатель

Председатель

Комиссии по помилованиям

при Президенте РФ

Живет на Ленинградском проспекте

цыпленка табака. Я подумал: как писатели роскошно живут! (В детстве мы заучивали из "Войны и мира", как Кутузов ест цыпленка морщась, ему трудно жевать. Мы, которые косточку от этого цыпленка разжевывали бы, на всю жизнь запомнили, какой этот Кутузов гад!).

Принцип написания заявления, по Соколовой, таков: все должно занимать полстранички. В первой строчке излагается все ваше несчастье, в последней — благодарность. То, что в середине, читать все равно никто не будет.

Это было гениальное произведение, заканчивавшееся строчкой: "Благодарим за помощь, которую Вы нам окажете".

Мы пошли к Демичеву. Система пропусков, ог-

"квартира имени Вайнера". На мое сорокапятилетие собрались друзья, мы сидели на полу, пьянствовали в пустой квартире, для которой я сам делал мебель. Мне желали: "Ну, чтоб тебе здесь жить!" Я сказал: "Нет, чтоб мне здесь умереть. Чтоб я больше не менял ее и не оставлял".

Мой семейный альбом начинался записью, что я нашел и что потерял за время своего бродяжничества между двумя домами. Два столбца: потерял столько-то друзей, меховое пальто, еще что-то. Нашел женщину. Тогда я понял, что мне очень нравится этот район и мне хочется там жить. Это место, которое греет — там жили и живут люди, с которыми меня связывает дружба...

Я — ЛИМИТЧИК ВО ВТОРОМ ПОКОЛЕНИИ

комнату. Это было, как сейчас — поехать в Нью-Йорк. Я впервые в жизни ехал на лифте. Мать была жутко суеверной и как сельский человек знала, что все лифты падают. Она закричала от страха, и мы все закричали...

Они должны были нам показать, какие они богатые. Лифт мы уже видели, потом тетя Дуся открыла кран с горячей водой. Потом дядя Коля надел орден. Потом достал ящик и вынул фантастической красоты, весь перламутровый, баян, постелил бархотку и усадил баян на колени. А тетя Дуся села рядом и положила голову ему на плечо... Играть на баяне дядя Коля не умел. Они показывали нам счастье... Мать смотрела такими глазами... Вздыхала. Кстати, я впервые в жизни ехал на трамвае.

РЯЗАНКА

Электрички по Рязанке — единственная ветка с левосторонним движением, ее англичане построили — пустили году в 35 — 36-м.

После войны я работал на аэродроме в Жуковском. Ездил из Ухтомской — полтора часа: на местной электричке до Люберец, пересесть на раменскую, потом 20-25 минут пешком. Опаздывать было нельзя. Со мной это случилось дважды. Первый раз от суда меня спас начальник Семен Исаевич Турецкий. Он вызвал табельщицу и сказал: "Оформите выход". Она сказала: "Не могу". Он сказал: "Я ему вчера дал отгул. Забыл вам сказать". Как он потом на меня орал!

Мне было 14 лет. Что такое встать в 5 утра? Жрать нечего.

Когда я понял, что опаздываю второй раз, — лег на рельсы перед электричкой. Машинист затормозил... Дурак, мальчишка. А что было делать? Конец жизни.

ДОМА КАМЕННЫЕ, ЛЮДИ ЖЕЛЕЗНЫЕ

В поселке Калинина жила моя крестная, тетя Шура. Она была продавцом, в войну работала на фабрике-кухне. Они всегда неплохо жили. Был момент, когда я бродяжничал по Подмосковию. Война, мать умерла, отец на фронте... В одном месте меня в карты проиграли, я бежал...

Пришел к ней голодный. Крестная меня выдворила. Больше я к ней никогда не приходил.

Несколько месяцев искал пристанища. В Подмоскowie, не в Москве. Москва — это город милиции, каменный город. Большие дома, чужие

люди. В Подмоскowie и стащить еду легче, и милиция не такая жестокая, и дома не такие страшные — можно залезть куда-то переночевать, найти сеновал...

С Казанского вокзала в 1941-м, когда мать умерла, меня и в эвакуацию вывезли, в детдом. Сюда и вернулся, когда отец разыскал меня. Здесь, на Казанском, меня избивал милиционер.

Тогда автоматов билетных было всего два. Надо было бросить в них две монеты по 20 копеек.

Я бросил две трехкопеечные и ждал, выскочит ли билет?.. В этих местах милиция всегда ошибается, ей там тепло. И милиционер меня повел... Хорошо помню эту дверку: при выходе на Казанский вокзал, слева. Это оказался туалет, выложенный белым кафелем. Милиционер деликатно меня спросил: "Так, значит?..". И дал мне в рыло. Я по кафельному полу доехал до противоположной стены. Он подозревал меня и опять дал в рыло. Я опять поехал...

Окровавленный, я добрал до своей электрички.

СОКОЛОВА УМЕЛА ПИСАТЬ ЗАЯВЛЕНИЯ

В начале 60-х — уже после армии, Литинститута, после Братска, куда мы поехали с женой и где родился наш сын — я поселился в Москве. Измайловский проезд, дом 125. Дом строили американцы для какого-то завода. Двухэтажный, из расчета на обычную американскую семью: внизу — гостиная, кухня, ванная и туалет, наверху — две спальни. Винтовая лестница, 23 ступеньки. Пойти на кухню — каждый раз эпопея: "Ты на кухню? Прихвати мусор". Внизу жила семья. Наверху, в комнате напротив — сумасшедший, от которого сбежала жена. В нашей комнате жили мой тесть с женой, две их дочери с мужьями и детьми. И еще бабушка 90-летняя.

На собрании в Союзе писателей выступал Демичев, назначенный тогда "на культуру". Писатель Георгий Свиридов, человек очень активный, предприимчивый, всех растолкал, пробился к Демичеву и сказал: "Группа молодых писателей хочет с вами встретиться!" Демичев ответил: "Запишитесь у секретаря".

Месяца через два Георгий звонит мне: "Завтра идем на прием. Приезжай в ЦДЛ, нужно написать заявление. Ты не умеешь, даже я не умею. Умеет только Соколова!".

Маленького роста писательница Соколова сидела в ресторане Дома писателей и ела

ромные здания, в одном из которых я сейчас сижу (между прочим, в бывшем кабинете Пугачева — В. П.). В огромном кабинете художавый, вполне вежливый человек начал нам объяснять, как надо писать. Потом я узнал, что он по образованию химик.

Когда он посмотрел на часы, Свиридов радостно сказал: "Большое спасибо, Павел Нилович, за ваши ценные советы. Эту встречу мы запомним на всю жизнь! Но у нас есть еще одна маленькая просьба. Вот у Приставкина с жильем плохо". И я увидел, как Демичев изменился в лице — он понял, зачем мы пришли... Однако сказал: "Заявление у вас с собой?"

И мы получили квартиру в Черемушках. Это была совершенная окраина, под окнами еще коров пасли. Блочный дом, кухня 4,5 метра, прихожая такая, что однажды иностранная славистка ее просто не заметила — вошла в комнату, сняла пальто и двинулась к балконной двери, думая, что там и есть квартира... Это было счастье.

ГЛАЗАМИ ЧЕЛОВЕКА ИЗ ПРЕДМЕСТЬЯ

Когда друзья решили снимать документальный фильм обо мне, я сказал им: поставьте какого-нибудь мальчика, который видит, как из Спасских ворот выезжает черная машина, а в ней — Приставкин. Для меня это до сих пор какое-то фантастическое будущее, которого у меня, подмосковного мальчишки, просто не могло быть. Я не горжусь тем, что имею пропуск в Кремль. Для меня это не место моего духовного слияния с городом. Я сливаюсь со спектаклем, который смотрю, с библиотекой имени Ленина, где у меня в 4-м зале было место, которое я себе пригрел... Но в общем меня с Москвой соединяют друзья.

Хотя мне нравится Страстной бульвар напротив Литературного института. Это уже часть меня. Литературный институт был моей мечтой, теперь я там преподаю. Там были девушки, за которыми я ухаживал, друзья, некоторых я уже похоронил.

И еще Аэропорт... Я там построил кооперативную квартиру. Я развелся, бродил по коммуналкам...

В кооператив меня не брали. А взятку я забыл дать. Да у меня и не было тогда этой тысячи рублей. Мне не светило... Но вмешался мой друг Эдик Успенский с его невероятным характером, а второе решающее слово было за Жорой Вайнером. Эту квартиру я называл

Москва состоит, наверное, на 3/4 из служащих. Сейчас выяснилось, что в Москве нет почти кадровых рабочих из коренных жителей — все лимитчики. Я слышал однажды, как два москвича говорили про кого-то: "Ну, это лимитчики во втором поколении". Я — лимитчик во втором поколении, который пробился в Москву.

Те из Люберец и Ухтомской, с кем я сохранил связь, они сейчас все в Москве. Идет переток из деревни в пригород, из пригорода в Москву. И я оказался москвичом. Раз я писатель, круюсь в литературной среде, этого не избежать, видимо. Кровоснабжение Москвы идет из пригорода, естественный процесс.

ДЕСЯТЬ ВИДОВ ВАРЕНЬЯ

У Сокола был сапожник — самый дешевый на моей памяти. Частник. У него была будочка, и он был очень больной. Как только попадал в больницу — будку сжигали. Он выписывался и отстраивал ее. Борьба с ним шла невероятная, лет десять он держался и в конце концов растворился в этом городе навсегда... Они его все-таки доконали.

Он был таким же, как мой отец, который мочил яблоки лучше всех в Подмоскowie. Антоновка снималась только с южной стороны дерева и только рукой в перчатке, потому что пальцы оставили бы след, и яблоко не было бы таким наливным. Яблоки замачивались на меду. И на Новый год он звонил мне: "Приезжай. Я раскупорил бочку".

Это было чудо: огромные, словно восковые яблоки с желтовато-золотистым оттенком, не тронутые ни одним пятнышком. Ни у кого не могло быть таких яблок — я точно знаю!

Характер отца, видимо, проявился и во мне. Моя квартира на Аэропорте была над крышей входа в Литфонд. Я проконсультировался со своим другом строителем из Усть-Илима и поставил на этой крыше бункер. Вход пробил из-под окна. У меня был единственный во всей Москве подвал на втором этаже! С засыпкой для картошки и бочкой для грибов. Я десять видов варенья варил!

Скажите мне, горожанин варит варенье десяти видов?!

Сестренка с мужем живут в пригороде, в доме, который построил мой отец. Они не хотят жить в каменном городе.

Отец сложил дом своими руками из кирпича, найденного на свалке. А чего на свалке не было — из самогона выросло. Но на самогон нужен был сахар. Стало быть, деньги. Не-е! Отец пошел на станцию, где стоял вагон с гниющим виноградом. За трешницу ему этот виноград привезли и сгрузили во дворе. Он вынул 7 двадцатилитровых канистр самогона, закопал их в разных местах в огороде, от милиции подальше. И распахивался самогоном за материалы. Дом обошелся ему в собственный труд. И в три рубля капиталовложений. А я недавно потряс одного писателя, починив компьютер гвоздиком.